

Три истории об одиночестве (о чуде)

Описание

Я не боюсь одиночества без людей,

я боюсь одиночества без веры.

Святитель Николай Сербский

Господи, благослови!

Щедрой рукой Бог изливает Милость Свою. Одаривает, открывает, утешает, вразумляет, и много всего еще, о чем и перечислить невозможно. Мы тянемся к Нему – Солнцу жизни, ища в Нем тепло и защиту ото всех невзгод. И Он никогда не перестает, любит нас, не оставляет, вновь и вновь разрушая сети, в которых мы оказались. Все это непросто. Это путь. Все мы странники, идущие одной дорогой — дорогой жизни. Все мы препоясаны скорбями и радостями. Все в поисках вечно ускользающего счастья. Мы не сильны как монахи, и не мудры как старцы. Мы надеемся, что все будет хорошо, и с досадой замечаем в себе грустные и трудные чувства. Эти чувства, точно камушки, набиваются в наши башмаки и мешают идти, иногда раня до крови.

Нет таких слов, чтобы объяснить чувство одиночества. С ним знакомы многие, если не все. Ни тяжелый труд, ни занятость, ни добрая компания не защищает от него. Многодетная мать, изможденная тяжелейшим подвигом, в краткий миг отдыха ощущает его укол. Крылатый юноша, умница и любимый сын, в толпе, в транспорте, прижатый к холодному окну троллейбуса, вдруг испытывает его тяжесть. Отец семейства, опора, первая и главная стена от житейских невзгод, внезапно

пошатнется, осознав его присутствие. И девушка, не минуто только, но и час, другой, станет мучиться им как температурой. Одиночество, словно сырая зима Петербурга, пробирает до самых костей. Кажется, с ним надо смириться? Но что если и смиряться-то не с чем? Что, если одиночество взять, и внимательно рассмотреть? Задуматься над его природой и отмыться от него милостью Божией. Возможно, и нет у одиночества истинной силы, а так только, обманчивые впечатления.

История первая:

Я теперь нужен!

Петр пришел в наш храм несколько лет назад. Его появление запомнилось мне не только из-за того, что приход у нас маленький, и каждый новый человек заметен. Но и потому, что благодать, которую Господь изливает на каждого, вступающего на путь христианской жизни, буквально изливалась из него. Петр сиял, точно рождественская елка, сверкал глазами, все время улыбался и ко всем без исключения относился с простотой и полным доверием. Как ребенок-сирота он пытался поладить со всеми, и всем открывал сердце. Возможно, думала я тогда, так выглядит и ведет себя каждый новоначальный, но точно не знала. А наши женщины качали по нему головой и причитали:

— Несчастный он, одинокий совсем. Страдает он, что никому не нужен. Господи, помоги! – вздыхали они и, при случае, подкармливали Петра, одаривали его добрым словом и желали ему счастья.

Я, молча, смотрела на ситуацию со стороны. Во-первых, потому что мы с Петром примерно ровесники, а я дама замужняя, и расплыться добрыми словами к постороннему мужчине мне не следует. Во-вторых, если уж до конца быть честной, мне не свойственна утешительная теплота общения. Это такое женское проявление, когда беседа наполняется на душевном уровне как бы ароматом свежеиспеченной сдобы, уюта и комфорта, словом, очень приятно. Но я, к сожалению, скорее сухарик, чем сдоба, и сама иногда нуждаюсь в размягчении. А, в-третьих, что для меня оказалось важнее всего остального, я задумалась об одиночестве в целом, как о явлении.

Не знаю, какие эмоции испытывают другие люди, ведь чужая душа скрыта, но я сама временами чувствовала себя одинокой. Неприятное тоскливое чувство могло случиться со мной в любой момент, даже и совершенно переполненный добрыми

людьми. Просто «тык» куда-то в подреберье, и на сердце зябко и непонятная тоска. Это нормально? Я так не думала. А тут вдруг рядом со мной оказался человек, который действительно одинок, т.е. дословно – один, один на целом свете, а чувство испытывает такое же. Кажется, очевидно, что хотя бы интенсивность переживания должна быть разная, но так ли уж это на самом деле очевидно? Короче, странно и непонятно. Мне и раньше не нравилось это переживание, будто оно было прыщиком на подбородке – досадной болячкой, которая не должна никогда случаться. А теперь и вовсе насторожило. И тогда мой разум как бы ухватил это чувство за хвост, подтянул поближе и стал пристально его рассматривать.

Тогда была середина лета и все, кто не разъехался по дачам, по мере сил и возможностей помогали при храме. Приходила и я, чтобы что-то поделаться, но, в большей степени, чтобы лишний раз побыть в церкви, окунуться в мир тишины и смысла. Как-то раз, в один из погожих деньков, привезли на приход саженцы молодых деревьев. И батюшка благословил нас с Петром их посадить. Мы экипировались и пошли исполнять послушание.

Я очень люблю природу. Для меня такое послушание стало не трудом вовсе, но радостным развлечением. Стволы юных яблонек, тонкие и стройные, радовали глаз и в руках казались теплыми. Незнакомый мужчина рядом, примерно ровесник, несколько смущал меня, но я надеялась, что Петр все понимает. Думала, что наше общение сведется к минимуму, необходимому для выполнения послушания. Но не тут-то было.

Окрыленный благодатью новоначалия, в совершенной простоте, он принялся разговаривать со мной о саженцах, о погоде, о прочих вещах. Петр все шутил и упорно пытался расположить меня к общению, а я сохраняла мину приличия, отвечала однозначно и при каждом удобном случае выставляла на вид безымянный палец правой руки, где расположен символ моего положения. Я и не думала о том, что Петр пытается завязать со мной отношения, но не хотела создавать неоднозначные ситуации. В какой-то момент Петр, наконец, заметил мои усилия и спросил:

— Васса, а ты ведь замужем?

— Да, — сказала я и торопливо добавила, — наш батюшка в прошлом году здесь нас и повенчал.

— Счастливики, — задумчиво сказал Петр, и вдруг стал очень грустным. — Нашли друг дружку, — добавил он. — Может, Бог и мне жену пошлет? А то я совсем один, и никому не нужен. — Его лицо совсем опустилось, но он попытался скрыть свои чувства, и натужно улыбнулся.

Я подумала, что нужно обязательно попросить Бога, и Он непременно поможет. Потому, что Он несказанно добр, и слышит каждый наш вздох. А Петр сказал:

— Мне говорят, нужно просить, молиться Богу, и я молюсь. А еще за меня тоже молятся, все наши женщины. — Он опять улыбнулся светло и просто, и добавил, — Так что надежда есть.

Я кивнула и, наконец-то, тоже улыбнулась, и мысленно присоединила свой вздох к Богу за счастье для Петра. Мы спокойно закончили работу и распрощались, оставив яблоньки приживаться на новом месте.

Очень скоро все в жизни Петра переменилось. Он встретил женщину. Они женились и венчались. А недавно у них родился ребенок. Как-то, пробегая мимо меня, Петр замедлился и, радостно улыбаясь, сообщил:

— Это чудо, Васса! Настоящее чудо! У меня теперь есть семья. И, знаешь еще, что? — От задора он всплеснул руками. — У жены есть взрослая дочь, и она недавно тоже родила! Представляешь?! Я теперь еще и дедушка! — Петр счастливо рассмеялся. — Я теперь всегда буду нужен. Я теперь не один! — воскликнул он и побежал дальше.

История вторая:

Чудо на Успение

Время поспешило дальше и больше не сводило нас с Петром в один момент. Мы виделись в храме, но на этом все. Пришла осень, за ней зима, и круг повторился. Я вовсе не думала об одиночестве, хоть иногда оно и захаживало в мое сердце. Все так же я не знала, как мне закрыться от него, и почему оно возникает. Но оно случалось реже, чем раньше, и совсем исчезало, стоило помолиться или подумать о ком-то, кроме себя. Я жила дальше, делала свои дела, иногда совершенно проваливаясь в суету, а иногда, по милости Божьей, выныривая на свет, и с горечью осознавая, как неистово летит жизнь. Новое лето заканчивалось, и Успенский Пост подходил к концу. И вот в один из дней мне позвонила знакомая:

— Васса, — устало проговорила она в трубку, — ты могла бы мне помочь?

Это была Людмила, тихая и спокойная женщина, с которой мы познакомились после службы в одном из храмов Петербурга. Мы почти не знаем друг друга, но нам как-то легко вместе, и мы иногда созваниваемся.

— Как? – спросила я.

— У меня вышла дурацкая, и даже стыдная ситуация, — призналась она. – Ты же знаешь, как я хотела прибрать храм. Помнишь?

— Помню, — отозвалась я. Еще при первой нашей встрече Людмила рассказала о своей сокровенной мечте – прибрать храм. Я помню, как посоветовала ей напрямую обратиться к настоятелю за благословением на этот труд.

— Так вот, — продолжила она, — как ты и говорила, батюшка желание это одобрил и запросто благословил меня.

— О! – обрадовалась я за Людмилу. – Поздравляю тебя!

Но она вздохнула:

— Да, — сказала она. – Так-то оно так. Но у меня сейчас очень тяжелый период. Все из рук валится. На приходе проблемы с местными женщинами. Вредничают. Будто я у них что-то отняла. А ведь они же не мыли! Так посмотрят иной раз, так ответят, что нет сил идти туда снова. Совсем я одна в этом искушении. Сил нет.

— Ну да, — вздохнула я, так же понимая, что это искушение.

Людмила, кажется, даже всплакнула на том конце провода:

— Послезавтра Успение Царицы нашей Небесной, Пресвятой Богородицы, и мне надо прибрать. Я и сама хочу, в радость это. Только знаешь, как представлю...

«М-да, ситуация», — подумала я. И тут не нужно питать иллюзий, будто все это ерунда. Кто трудится во Славу Божию, не понаслышке знает, как иногда враг наступает на горло. Я однажды пришла только подсвечник почистить, так меня сразу перед батюшкой оклеветали. Хорошо, что он разумение имеет. Он выслушал наветчика, покивал, и все. А когда такая история, где одни миряне замешаны и каждого своя правда..., не просто это.

— Может, не представлять? — предложила я. — Знаешь, по ситуации действовать. Может, ты с ними и не пересечешься?

— Точно пересекусь, — вздохнула Людмила.

Тогда я спросила:

— Чем могу помочь?

Она секунду помолчала, а затем попросила:

— Можешь приехать ко мне завтра? Сходишь со мной. Посидишь в храме, пока я мою. Я не одна буду, мне легче. Конечно, если ты можешь.

Мы встретились на следующий день. Теперь уже от печали Людмилы и следа не осталось. Она рассказала мне презабавный анекдот на тему поста:

— Сосед, а я смотрю, вы пост-то нарушаете!

— Это чем же?

— Икра на столе!

— Так ведь баклажанная!

— Так ведь ведро!

Мы рассмеялись, и вообще весело говорили пока шли от остановки. Еще я попросила Людмилу дать мне тоже какую-нибудь уборку, чтобы поучаствовать в этом замечательном деле, и она согласилась.

Храм у них чуть больше нашего, и тоже очень славный, нарядный и благолепный. За свечным ящиком дремала бабулечка лет восьмидесяти, а, может, и девяноста. Людмила одарила меня счастливым взглядом и сообщила:

— Только матушка Фотиния! Все время спит, но она хорошая!

На наши слова и сообщения, что мы пришли прибраться, и будем шуметь, матушка Фотиния лишь промычала:

— Бог в помощь, — и вновь погрузилась... в молитву.

Людмила поручила мне протирать иконы и отскребать от пола капли воска, и мы приступили к работе. Воистину, в благом труде помогают свыше. Дело у нас спорилось. Мы весело плескались, постоянно обновляя воду, натирали до блеска кафель, омывали стены от гари. Через пару часов мы закончили, налили воду в чайник, чтобы подкрепиться чайком, и, уставшие, но довольные, уселись на местной кухоньке. До вечерней службы оставалось еще два с лишним часа. Матушка Фотиния пришла к нам с чашечкой и, заварив пакетик, вернулась на рабочее место.

— Славно потрудились, — сказала я, жмурясь от горячего чая, обжигающего язык и щеки. Юбки у нас обеих были мокрые до колена, но мы не обращали на это внимание.

— Ага, — улыбнулась Людмила, и немного смущенно произнесла. — Прости, что выдернула тебя. Ты права была – не пересеклись мы сегодня. Видно, милость Божия под праздник.

— Да что ты! – воскликнула я. Радости у меня, как говорится, было полным полно. – Я сама счастлива, что приехала. Не смей жалеть!

— Хорошо, — широко улыбнулась Людмила. – А знаешь, — она вдруг мне подмигнула, точно заговорщик, — можно еще крыльцо помыть!

Вот так заговор! Я рассмеялась:

— Ну, давай помоем!

Я отнесла чашки в раковину и уже привычно (уж сколько воды было вылито) повернула кран. Но трубы ответили пустым урчанием. В недоумении я потрогала

кончик крана:

— Воды что-то нет, — сказала я Людмиле.

— Как нет?! — удивилась она.

— Ну, так - нет. - Я жестом пригласила ее попробовать самой.

Она подошла, покрутила вентили. В ответ тишина. Людмила пошла к матушке Фотинии. Я следом.

— Ну, не знаю, — ответила матушка Фотиния. - Пойдите в трапезную. Там тоже раковина есть.

Мы последовали ее совету. Но там также не оказалось воды.

— Может, во всем районе выключили? - предположила я. - Летом такое бывает. Типа, работы какие-нибудь.

— Наверняка, — согласилась Людмила. И тут же, просияв, похлопала меня по плечу:

— Хорошо, успели помыть!

— Это точно, — согласилась я.

Мы вернулись в храм, чтобы забрать свои вещи, и у свечного ящика увидели еще одну женщину. Видно, она пришла, пока мы были в трапезной. Она что-то торопливо раскладывала по полкам и едва посмотрела на нас, так была занята. Матушка Фотиния вновь погрузилась в молитву.

— Мы все убрали, — сказала Людмила новой женщине, и с улыбкой добавила: - Успели.

Тогда женщина распрямилась и обернулась к нам. Высокая и стройная, преклонных лет, мне она показалась довольно приятной, только сильно уставшей. Наверное, много ей приходится трудиться.

— Как же, — сказала она, и я не поняла, вопрос это был или утверждение.

Людмила, похоже, тоже не поняла, потому что смущенно улыбнулась и проговорила:

— Мы успели все помыть, до того, как воду в районе отключили.

— Ну, еще бы, — опять неопределенно сказала женщина и, отвернувшись, вернулась к полкам.

Когда мы забирали сумки с вешалки, Людмила мне шепнула:

— Это одна из тех женщин.

— Я поняла, — ответила я. — Ну, ничего. Слава Богу, мы уже закончили и уходим.

— Ага.

Мы вышли на улицу. Уже вечерело.

— Я поеду, — сказала я Людмиле, — спокойно успеваю в наш храм. С Праздником тебя!

— Хочешь, оставайся, — предложила мне Людмила. — Что тебе теперь ехать?

— Лучше уж сейчас, чем поздним вечером, — ответила я.

Обмениваясь прощальными фразами, мы и не заметили быстро приближавшуюся к нам женщину. А когда заметили ее, она уже налетела на нас, обдала ветром и горячим дыханием:

— Прости, прости меня! — запричитала она, целуя Людмилу в щеки. На вид ей было больше сорока, невысокая, с открытым широким лицом и большими серыми глазами. — Прости! Я совсем забыла! Знаешь, на автомате! — Речь женщины сплошь состояла из восклицаний. — Так привыкла! Батюшка строго-настрого наказывает! Я, конечно, знала про тебя! Но забыла! Прости!

— Да что такое?! — Людмила удивленно смотрела на женщину. Я отошла чуть в сторону, чтобы не мешать их беседе.

— Ты же мыть должна! — воскликнула женщина. — А я воду-то отключила! Сразу же после службы!

— Правда? — удивилась Людмила, и на миг мы встретились с ней взглядами, испытывая непередаваемую гамму чувств. Людмила опять посмотрела на встревоженную женщину: — Сразу после службы? — уточнила она.

— Да! Прости! — несчастная продолжала убиваться. — Батюшка настаивает, чтобы

всегда воду отключали.

— Может, в трубах осталась? – предположила я, обращаясь к Людмиле.

Но женщина посмотрела на меня строго-строго и сообщила:

— Я всегда обязательно всю воду из труб спускаю, чтобы все насухо было!

Я, было, подалась вперед, воскликнула:

— Но мы...!

Однако Людмила покачала головой и сделала жест, чтобы я остановилась. Я замолчала.

— Не переживай, — ласково сказала она женщине. – Мы, что смогли, убрали, а пол вроде не такой уж и грязный.

— Ты только не подумай, — просительно проговорила женщина, — что я из вредности. Я, правда, закрутилась, забыла, что ты должна прийти. Видишь, даже прибежала к тебе.

— Вижу, — кивнула Людмила, — не переживай.

— Давай, я воду включу, — не унималась женщина, — и помогу тебе! Вместе мы быстро.

— Там и правда чисто, — опять вмешалась я. – У вас очень чистый храм.

Женщина посмотрела на меня, потом на Людмилу и, наконец, успокоилась.

— Это да, – выдохнула она. – Слава Богу! Я так переживала!

Чуть позже Людмила проводила меня до остановки и на прощанье сказала:

— Глупая я. И как я могла подумать, что осталась одна. Мы ведь не бываем одни. Никогда. Всегда нас Силы Небесные опекают. Всегда рядом стоят. С Праздником Успения Пресвятой Богородицы всех нас!

История третья:

Убийца

И вот, уже совсем недавно, в один поздний вечер, когда на улице было темно, и дождь стучал по подоконнику, и ветер сквозил от стекол, я опять внезапно ощутила укол одиночества. Я подошла к окну, всматриваясь в пробку на дороге, и подумала, что где-то там, застрял мой муж. Но, в сущности, это ведь неважно. Мы рождаемся одни, и умираем одни. Таков удел всех людей. И тут я вспомнила еще один случай, а, точнее, беседу, произошедшую почти семь лет назад. Тогда тоже был вечер и темно, и дождь, и именно это обстоятельство заставило мою собеседницу тоже кое-что вспомнить.

Мы сидели в трапезной после вечерней службы, надеясь, что дождь утихнет, и можно будет добежать до дома. Зоя – пожилая женщина, включила обогреватель и придвинула его к ногам:

— Колени болят, — призналась она.

Мне Зоя очень нравится. Но не потому, что я ее хорошо знаю. Просто она чем-то напоминает мне мою любимую, но давно почившую бабушку Любу. И это сходство, почти неуловимое, превращает для меня незнакомую Зою в близкого человека. Я к ней тянусь, а она отвечает мне терпением и добротой. В трапезной нас было двое, все остальные разбежались по домам. Я же ждала мужа, который должен был вернуться за мной и принести зонтик.

— Такое чувство, будто мы одни в целом мире, — задумчиво сказала я, глядя в маленькое окошко. Улицу почти не было видно, только вода на темном фоне стекала по стеклу. Мне показалась моя мысль очень романтичной, почти философской.

— Глупости это и неправда, — возразила Зоя. — Мы не бываем одни.

Я посмотрела на нее. Она растирала больные колени, а лицо ее выражало страдание.

— Знаешь, — произнесла она, — мне это один случай из жизни напомнило. Также тогда непогода была. Правда, снег, — задумчиво проговорила Зоя. — Но вечер точно такой — темный. Промозглый. У меня тоже тогда очень ноги разболелись. Погода...

Я вновь попыталась взглянуть в темноту в поисках мужа, но дождь не давал. Я подумала, что стоит побежать к нему навстречу. Все лучше, чем просто сидеть и

ждать. Но Зоя сказала:

— Садись, расскажу тебе, и не будешь больше эти глупости думать.

— Муж расстроится, если я под дождь пойду, — вслух высказала я свои мысли-сомнения.

— И правильно, — строго проговорила Зоя. — Садись и жди.

Я села напротив женщины, и мне опять стало ее жалко. Она все терла свои колени. Но тут я посмотрела в ее глаза, а там искорки то ли веселья, то ли просто жизни. Мне стало интересно. Очень я люблю такие подарки судьбы – сокровенные опыты веры и чуда.

— Так, что за история? — спросила я, ощущая сухое тепло обогревателя.

— Февраль был, — начала Зоя. — Я моложе. Но ноги уже никуда. Хотя сейчас еще хуже. Эх... В общем, я в церкви дежурной была, и поздний вечер. В храме не души. Я одна. Точно так сидела да колени терла. За окном будто ночь. Темень, хоть ножом режь, и ветер воет под кровлей. Мрак. Неуютно. Я молилась. Читала акафисты да на часы поглядывала. А стрелка, как заколдованная, едва двигается. И тут заходит в церковь парень. Я смотрю. Ну и лицо у него! К тому же мрачный и сутулый. Он мне сразу не понравился. Зыркнул он по сторонам и ко мне пошел. — Зоя наклонилась ко мне через обогреватель, а я к ней потянулась. Лицо у нее стало суровое и мне как-то не по себе. А она продолжает: — «Что? — говорит. — Одна здесь?» Я ему промолчала. А он вблизи еще страшнее. Шрамы какие-то на лице и руки грязные. Он мне говорит: «Дай мне свечей» и кидает несколько бумажек. Я на все ему свечей даю. А он смотрит на меня, глаз не сводит. И тяжело так на сердце. А руки у меня от страха так и трясутся, так и трясутся. — Зоя тяжело вздыхает, и я вместе с ней думаю: «Вот так ситуация! Так и дежурь в церкви! Ведь даже заступиться некому!»

Зоя грустно улыбается:

— Заметил парень мои руки. Говорит: «Боишься меня?», и, не дождавшись ответа, сообщает: «Правильно. Убийца я». От такого заявления у меня дыхание так и перехватило.

— Я и сама, — выдыхаю я. — Прямо сейчас.... Не представляю, как вы... там.

— Ага, — кивает Зоя. — Взял он все свечи. «Куда, — спрашивает, — за упокой?». Я ему дрожащей рукой указала. И он пошел. Пока стоял там, я не знала, что делать. Прикидывала, как защищаться буду. Жалела, что ножа нет. Такой ужас меня охватил, что хоть беги, но и тут никак — ноги от страха и боли совсем не шевелятся. Все, думаю, убьет меня и не спросит. Думала, надо первой ударить. До такого отчаянья дошла, что слезы потекли. И мысль одна: «Убийца! Убийца!» И вдруг слышу прямо внутри головы голос. Чистый такой, сильный: «Прекрати! — говорит, как колокол. — Ты и сама убийца».

— Как это?! — охнула от удивления я.

— Неважно это, — отмахнулась от меня Зоя. — Важно, что это правда! После этого голоса у меня как отрубил. И страх в один миг прошел, и разум просветлел. Все я поняла. Поняла я свою горькую ошибку. Суд свой осознала.

— И что?

— Что — что? Успокоилась сразу. Охладилась.

— А парень?

— А парень потом опять ко мне подошел, но уже весь заплаканный. Я ему ласковое слово сказала, и он раскрылся. Нуждался он. Оказалось, он бывший солдат. Участвовал в военных действиях. Сам еле уцелел. Пришел поставить свечи за погибших друзей и убитых врагов. И вовсе не убийца он, а уставший воин. Мы с ним два часа проговорили. И до сих пор я о нем помню каждый день. Так-то.

Я крепко тогда задумалась. Потом посмотрела на Зою. Оставался у меня еще один вопрос, но я не знала, уместно ли о таком расспрашивать. Но потом, как представила, что вся изведусь в неведении, так сразу и набралась смелости:

— А что же это за голос такой был? — спросила я.

— Думаю, Ангела Хранителя моего, — спокойно ответила Зоя. — Видишь, как вразумил. Все время рядом был и не дал беде случиться. А ты говоришь — одни в целом мире. Нет. Никогда не одни.

Возвращаясь домой, под зонтом и опекой мужа я подумала: «Как хорошо, что Ангел-Хранитель всегда рядом. Что мы никогда не бываем одиноки. Какое замечательное обстоятельство в жизни каждого верующего человека!»

Конечно, под этими тремя историями хочется написать заключительное слово. Но я не духовное лицо, и почти не имею опыта духовной жизни. Все выводы духовно-нравственного порядка я с легким сердцем отдаю тем, кто это умеет. Я только искренне надеюсь, что эти случаи кому-то, как и мне самой, в сложный момент, когда стоит напротив одиночество, послужат утешением и защитят сердце. И тогда каждая яблоня, и чистая вода из-под крана, и даже непогода в темноте, станут символами единства с Богом, с миром вышним и с каждым из нас. И одиночество, как назойливый камушек в ботинке, уже никогда не помешает нам идти вперед. Мы просто выкинем его прочь, навсегда, и с уст наших сорвется:

— Слава Богу за все!

Категория

1. Рассказы

Дата Создания

13.02.2025

Автор

u239073